

УДК 347.65/.68:347.4(045)

*Е.А. Ходырева***ПРЕКРАЩЕНИЕ И ИЗМЕНЕНИЕ ДОГОВОРНОГО ОБЯЗАТЕЛЬСТВА СМЕРТЬЮ ЛИЦА:
ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ**

Порядок и условия исполнения договорных обязательств достаточно подробно регламентированы гражданским законодательством и детально изучены наукой гражданского права. Между тем следует указать на недостаточность научных исследований по вопросу о влиянии смерти физического лица (гражданина) на судьбу договорного обязательства. Поскольку договоры составляют основную и важную часть гражданско-правовых отношений, постольку выбытие из обязательства одного из участников договора по любым основаниям, в т. ч. по причине смерти, не должно негативно отражаться на правах и интересах иных лиц. С этой целью законодательные предписания относительно прекращения или изменения договорного обязательства в случае смерти его участника должны отличаться четкостью, определенностью и ясностью. Автором предложено обратить внимание на проблему определения личного характера договорных обязательств и предпринята попытка систематизировать варианты посмертного перехода договорных прав и обязанностей. При проведении исследования применялись общенаучные и частнонаучные методы: описания, сравнения, интерпретации, формальной и диалектической логики, юридико-догматический, системный. По результатам исследования показано, что при применении норм ГК РФ, определяющих правовые последствия смерти участника договорного обязательства, возникают некоторые сложности и коллизии. Так, не отличается ясностью вопрос об определении личного характера обязательства, возникают сложности в правоприменительной практике относительно квалификации обязательств индивидуального предпринимателя и возможности их прекращения смертью. Требуется решения вопрос о пределах договорной свободы и возможности установления преемника в конкретном обязательстве на случай смерти по усмотрению его субъектов. Выводы, сделанные автором, могут стать основой для дальнейшего научного осмысления.

Ключевые слова: договор, наследник, обязательство, закон, смерть, прекращение, изменение, переход.

DOI: 10.35634/2412-9593-2024-34-1-157-163

По общему правилу ст. 1112 ГК РФ имущественные права и обязанности, за некоторыми изъятиями, входят в состав наследства. Основную часть имущественных прав и обязанностей составляют те из них, которые возникли из договора, что предопределяет наделение наследников статусом кредитора (управомоченного лица) и должника (обязанного лица). Несмотря на то, что наследникам предоставлен срок для принятия наследства, смерть лица не влечет приостановления исполнения ряда договоров. Поэтому для наследников особую актуальность приобретают вопросы соблюдения сроков исполнения обязательства, возможного применения мер ответственности и некоторые другие.

Нормы Гражданского кодекса РФ не предусматривают особенности исполнения договорного обязательства в случае смерти его участника. Можно лишь найти указания о том, какие последствия влечет смерть гражданина как участника договорного обязательства. Проанализировав установленные законом положения, можно определить две группы последствий, вызванных смертью участника договорного обязательства: прекращение обязательства и изменение обязательства.

Прекращение договорного обязательства – это нетипичное последствие, обусловленное смертью гражданина, поскольку по общему правилу ст. 418 ГК РФ смерть должника или кредитора не влечет прекращения обязательства. Исключение определено для договорных прав и обязанностей личного характера (напр., ст. 605, ст. 926.8, ст. 977, ст. 1002, ст. 1010, абз. 4 п. 1 ст. 1024 ГК РФ). Личный характер в доктрине связывают, в частности, с персонификацией субъекта и его профессиональных качеств [8], с персонификацией исполнения обязательства определенным лицом [17], с содержанием и назначением обязательства [3], с конкретными обстоятельствами заключения договора [9]. Следует согласиться с тем, что признак «привязки к личности», как указывают А.Г. Карапетов и С.В. Сарбаш, носит оценочный характер [5], а потому предложения О.С. Черепановой об ограничении широты судебного усмотрения при определении личного характера обязательства [18] сложно признать обоснованными.

В науке предпринималась попытка определить типы гражданско-правовых обязательств, связанных с личностью. Е.И. Воронина, в частности, выделила высокоперсонифицированные и невысокоперсонифицированные обязательства. К высокоперсонифицированным автор отнесла обязательства, в которых переход прав от одних лиц к другим невозможен (напр., в договоре пожизненного содержания с иждивением в случае смерти кредитора), а к невысокоперсонифицированным – такие обязательства,

в которых переход прав от одних лиц к другим возможен, но с некоторыми ограничениями (напр., договор поручения, доверительного управления, простого товарищества) [4, с. 10-11]. Несмотря на значимость предложенной классификации, признак о возможном переходе прав с некоторыми ограничениями не всегда удастся проследить. Так, например, по ст. 977 ГК РФ смерть доверителя или поверенного не подразумевает наследственного перехода прав и обязанностей, а однозначно влечет прекращение договора.

Признание понятия «личный характер» оценочным влечет невозможность определения четкого перечня личных и неличных обязательств и некоторые сложности для правоприменителя. Между тем стоит отметить, что более конкретными в части определения перечня личных и неличных договорных обязательств были положения Свода законов Российской империи, по содержанию которых договоры об имуществе равным образом были обязательны как для сторон, так и для их наследников (ст. 1543), в то время как договоры о действиях личных обязывали к исполнению только лиц, их заключивших (ст. 1544). При этом Раздел III тома X Свода законов Российской империи (ст. 1679–2200.3) регламентировал вопросы исполнения «обязательств по договорам на имущество», а Раздел IV тома X (ст. 2201–2334) предусматривал правила исполнения «обязательств личных по договорам», что исключало возможность иной квалификации того или иного обязательства.

Стоит также заметить, что признак «привязки к личности» необходимо определять применительно к обязательству в его узком смысле, устанавливая характер конкретного права или обязанности, а не к обязательству в широком смысле как к правоотношению, охватывающему множество правовых связей участников. Поэтому, например, из-за личного характера права на получение содержания в договоре пожизненного содержания с иждивением обязательство смертью получателя ренты прекращается. Однако смерть плательщика ренты в этом же договоре не прекращает обязательств по договору, а влечет переход обязанности по содержанию получателя ренты к наследникам умершего плательщика ренты.

Для целей наследования и решения вопроса о том, есть в обязательстве привязка к личности или нет, следует учитывать: 1) наличие указания закона на прекращение обязательства смертью лица, что по сути означает запрет на переход прав и обязанностей к наследникам (напр., ст. 977 ГК РФ); 2) наличие указания закона на строго личный характер права или обязанности, что также необходимо расценивать как запрет на переход прав и обязанностей к наследникам (напр., ст. 780 ГК РФ); 3) наличие условий в конкретном договоре о строго личном характере исполнения, что также повлечет невозможность наследования договорных прав и обязанностей.

Помимо этого, из анализа судебной практики можно выявить еще одно небесспорное обстоятельство для отнесения обязательства к числу обладающих личным характером – это занятие предпринимательской деятельностью. Так, например, при рассмотрении дела о взыскании с наследников умершего подрядчика аванса по договору подряда суд требование заказчика удовлетворил, указав на прекращение обязательства ввиду его неразрывной связи с деятельностью в качестве индивидуального предпринимателя [7]. Несколько при других обстоятельствах, отказывая в удовлетворении кассационной жалобы, суд тем не менее указал, что «обязательства индивидуального предпринимателя по заключенным им договорам, неразрывно связаны с его правовым статусом индивидуального предпринимателя и не могут переходить по наследству» [2]. Связанность обязательства с личностью индивидуального предпринимателя суд усмотрел и в другом споре, когда речь шла о смерти стороны договора на размещение нестационарных торговых объектов [1].

Подобные выводы небесспорны, поскольку речь должна идти не о переходе статуса индивидуального предпринимателя в порядке наследования, который со смертью лица, безусловно, прекращается в силу норм ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», а о возможности перехода к наследникам прав и обязанностей, возникших из того или иного договорного обязательства индивидуального предпринимателя. И при решении этого вопроса значение приобретает не статус субъекта, а признак «привязки к личности» конкретного права или обязанности. Так, по одному делу апелляционный суд, отменяя определение арбитражного суда, подчеркнул, что «положения статьи 22.3 Федерального закона "О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей" не могут рассматриваться как нормы закона, исключающие переход в порядке наследования прав и обязанностей по всем сделкам, совершенным гражданином-предпринимателем в процессе осуществления предпринимательской деятельности. Вывод арбитражного суда первой инстанции о недопустимости правопреемства в случае перехода имущества умершего индивидуального предпринимателя к наследникам - физическим лицам, неправомерен, так

как противоречит нормам Гражданского кодекса Российской Федерации (статей 1112, 1175)» [14]. Сходную аргументацию можно увидеть и в другом деле, где предметом спора стало предоставление наследнику права пользования недрами. Суд указал: государственная регистрация лица в качестве индивидуального предпринимателя утрачивает силу с момента его смерти, но права и обязанности индивидуального предпринимателя могут перейти в порядке универсального правопреемства его наследникам, поскольку индивидуальный предприниматель является одновременно физическим лицом, на которого распространяются нормы наследственного права [13].

Прекращение обязательства вследствие личного характера права и (или) обязанности – общее, но не единственное последствие смерти участника договора. Закон предусматривает случаи прекращения договорного обязательства смертью лица по усмотрению самих участников договора, используя при этом типичную формулировку «если иное не предусмотрено договором» (напр., п. 1 ст. 581, ст. 701, абз. 2 п. 1 ст. 1024, ст. 1050 ГК РФ). В перечисленных случаях закон, с одной стороны, признает привязку обязательства к личности и необходимость прекращения правоотношения, но, с другой стороны, позволяет самим участникам договора решить вопрос иначе, предусмотрев возможность перехода прав и обязанностей по нему к правопреемникам. О таком диспозитивном решении вопроса не упомянуто в ст. 418 ГК РФ, но и положения этой статьи вряд ли можно расценивать как императивные. Как указывает А. Г. Карапетов, «невозможность отступления от положений предписывающей императивной нормы может <...> вытекать из смысла нормы. В последнем случае суд выводит императивность из толкования природы нормы в контексте целей законодательного регулирования» [5], а, как определено в Постановлении Пленума от 14.03.2014 № 16, цели законодательного регулирования обусловлены необходимостью защиты особо значимых охраняемых законом интересов (интересов слабой стороны договора, третьих лиц, публичных интересов и т. д.), недопущения грубого нарушения баланса интересов сторон либо учета существа законодательного регулирования данного вида договора (п. 3 Постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах») [12]. Учитывая эти разъяснения, можно предположить, что сохранение обязательственно-правовой связи с учетом существа указанных законом договоров (договор безвозмездного пользования – в случае смерти ссудополучателя, договор доверительного управления – в случае смерти выгодоприобретателя, договор простого товарищества) не поставит наследников в невыгодное положение и позволит им исполнить обязательства, а отсутствие для сторон дополнительных затрат (временных, интеллектуальных и т. п.) при исполнении обязательства вполне будет соответствовать принципу экономичности исполнения. Потому предоставление участникам договора свободы в определении судьбы обязательства вполне может охватываться содержанием ст. 418 ГК РФ.

Здесь возникает вопрос: прекращение любого ли договорного обязательства могут предотвратить наследники, включив соответствующее условие в текст договора? Исполнение обязательств наследниками отвечает интересам гражданского оборота, направлено на обеспечение стабильности гражданских правоотношений, потому если при заключении договора стороны заранее осознают его существо и характер, предвидят возможные последствия наступления смерти участника и желают их урегулировать, то препятствий к такому варианту поведения объективно быть не должно. Этот вывод вполне укладывается в содержание презумпции диспозитивности норм договорного права, характерной для большинства право порядков и «опровергаемую только в случаях, когда императивность нормы прямо закреплена в законе» [6]. Случаями императивности, как и указывалось выше, можно считать указания закона на прекращение обязательства смертью лица или указания закона на строго личный характер права или обязанности.

Смерть участника договорного обязательства влечет не только прекращение, но и изменение обязательства. Несмотря на разные подходы в определении словосочетания «изменение обязательства» и возможно его некую условность, сложно отрицать тот факт, что при наследовании как универсальном правопреемстве происходит изменение субъектного состава правоотношений, в т. ч. тех, которые возникли из договоров. Изменение обязательства имеет место не только при наследовании, но и в иных случаях перемены лиц в обязательстве, а также при модификации содержания обязательства. Термин «изменение» как раз призван подчеркнуть ту динамику, которую проходят обязательственные отношения, в отличие от прекращения, означающего разрыв правовой связи. В правовых нормах мысль об изменении обязательства выражена словесной конструкцией «переход прав и обязанностей». Из текста ГК РФ можно выявить следующие варианты перехода прав и обязанностей:

– переход прав и обязанностей по договору к наследникам (напр., п. 1 ст. 617, ст. 675, п. 2 ст. 700, ст. 960 ГК РФ). Применительно к обозначенным видам договоров и случаям закон прямо предусматривает возможность участия в них наследников, хотя такие указания могут показаться излишними с учетом общего положения ст. 418 ГК РФ и ст. 1112 ГК РФ, разрешающей включать в состав наследства любые имущественные права и обязанности, за исключением тех, которые носят строго личный характер или прямо предусмотрены законом. Поэтому даже в тех случаях, когда отсутствуют нормы о запрете перехода к наследникам тех или иных прав и обязанностей или, наоборот, о возможности их перехода к наследникам, в состав наследства будут включены права и обязанности, вытекающие из договоров купли-продажи, мены, займа, кредита, хранения и др. Так, например, разрешая спор о возложении на наследника обязательств по договору энергоснабжения, суд указал: «наследники замещают наследодателя во всех правоотношениях, в которых участвовал наследодатель в отношении не только вещей и долговых обязательств, но также и иного имущества, в том числе имущественных прав наследодателя, за исключением тех, которые носят строго личный характер. Поскольку право на энергоснабжение не носит строго личного характера, ИП Городилов В.В. является универсальным правопреемником, на него возложена обязанность по оплате электроэнергии» [15].

– переход прав и обязанностей по договору к наследникам, если иное не предусмотрено договором (п. 2 ст. 581 ГК РФ). Достаточно редкий вариант, установленный в ГК РФ применительно к договору дарения. При заключении консенсуального договора дарения смерть дарителя влечет обязанность для его наследников исполнить условия договора, но запрет на исполнение после смерти дарителя может быть определен соглашением сторон. Представляется, что под установлением «иного» прежде всего понимается установленный запрет на преемство в «пользу» наследников. При подобной формулировке формально не исключается возможность перехода обязанностей по договору не к наследникам, а к иным лицам, но по существу дарения это станет невозможным, ибо только лицо, обладающее имуществом, может стать обязанным лицом по его передаче. В случае смерти лицом, принимающим имущество, становится наследник (или их множественность), и именно он, по общему правилу, обременяется обязанностью, неисполненной при жизни наследодателем.

Между тем установление правила о невозможности наследственного правопреемства в силу условий договора не соответствует содержанию ст. 1112 ГК РФ, устанавливающей запрет на включение в состав наследства лишь таких прав и обязанностей, переход которых не допускается Гражданским кодексом или другими законами. О договорном регулировании при определении наследуемых прав и обязанностей в статье речи не идет. Можно, конечно, допустить, что по содержанию ст. 1112 именно Гражданский кодекс, устанавливая запрет на переход прав и обязанностей (императивный или диспозитивный), формулирует правило поведения и санкционирует все, то, что в нормах содержится. Но, с другой стороны, возникают вопросы: насколько правомерным является определение объектов наследования соглашением сторон? В любом ли договоре стороны могут установить запрет на переход прав и обязанностей к наследникам? Определение круга договорных преемников на случай смерти не противоречит свободе договора, но может касаться только частного, сингулярного правопреемства (в отдельном обязательстве), ибо не должно собой подменять исключительно допускаемые законом наследственные распоряжения – завещание и наследственный договор.

– переход прав и обязанностей по договору к наследникам, если иное не предусмотрено законом или договором (п. 2 ст. 589, п. 2 ст. 617 ГК РФ). В этом случае помимо влияния воли самих субъектов (о чем речь шла выше), законодателю дозволено определить случаи невозможности перехода обязательства к наследникам. Так, например, применяя нормы ГК РФ, Верховный Суд РФ применительно к арендным отношениям усматривает возможность наследственного преемства в них вследствие отсутствия привязки к личности [11], что соответствует ст. 418 ГК РФ, но с учетом ст. 1112 ГК РФ законодательные ограничения по кругу наследуемых объектов могут следовать не только из личного характера обязательства. Из положений судебной практики видно, что невозможность перехода прав и обязанностей арендатора к его наследникам связана еще с наличием у наследодателя статуса индивидуального предпринимателя. Для примера выдержка из одного дела: земельный участок был предоставлен в аренду для размещения станции технического обслуживания, что предполагает наличие у арендатора статуса субъекта предпринимательской деятельности. Из материалов дела не следует, что у третьего лица такой статус имелся или был приобретен после вступления в права наследования. Таким образом, учитывая, что третье лицо не предприняло мер, направленных на приобретение необходимого

статуса для вступления в договор аренды, договор аренды следует считать прекратившим свое действие. Как следствие, следует считать прекратившим действие и договор субаренды, невозможность перехода к наследникам прав и обязанностей арендатора [16].

Как и в предыдущей ситуации, возникает вопрос о том, насколько широкими могут быть пределы законодательного и договорного усмотрения. Могут ли стороны в договоре аренды определить иное лицо, не из числа наследников, к которому бы перешли права и обязанности в случае смерти арендатора, или они правомочны только установить запрет на переход прав и обязанностей по договору аренды к наследникам (как в случае с дарителем в консенсуальном договоре)? Представляется, что, с одной стороны, распорядиться имуществом на случай смерти можно только путем совершения завещания или наследственного договора (п. 1 ст. 1118 ГК РФ). Законодательные предписания в этой части выступают препятствием для субъектов к свободному усмотрению при формировании условий конкретного договора (п. 4 ст. 421 ГК РФ). С другой стороны, есть примеры того, когда определение лица, получающего часть имущества после смерти гражданина, происходит по условиям договора и это санкционировано законом – определение выгодоприобретателя на случай смерти застрахованного лица в договоре личного страхования (п. 2 ст. 934 ГК РФ). Но случаи передачи имущества после смерти лица не наследникам, а иным лицам в порядке сингулярного преемства представляют собой альтернативу посмертным сделкам по распоряжению имуществом и по сути направлены на уменьшение наследственной массы и ущемление интересов кредиторов наследодателя.

– переход прав и обязанностей по договору к наследникам при соблюдении установленного законом условия (ст. 1038 ГК РФ). Условие, по сути, ограничивает для наследника возможность стать обладателем конкретного объекта из наследственной массы. Необходимость соблюдения определенного условия встречается не только в договорном праве. Она установлена, в частности, для лица, наследующего объекты, ограниченные в обороте (ст. 1180 ГК РФ), претендующего стать участником полного товарищества (п. 5 ст. 66 ГК РФ).

В части второй ГК РФ это единичная ситуация, при которой на момент открытия наследства в определяемую наследственную массу будут включены права и обязанности по договору коммерческой концессии (в отношении них может быть заключен договор доверительного управления), но если по истечении срока принятия наследства наследник умершего правообладателя не будет зарегистрирован в качестве индивидуального предпринимателя, в отношении исключительных прав по договору не будет выдано свидетельство о праве на наследство в связи с исключением их из наследственной массы. Наличие условия выступает гарантией грамотного и надлежащего осуществления прав и ответственного исполнения обязанностей по договору именно тем субъектом, который необходим для договора данного вида.

Следует полагать, что отсутствие у наследника статуса индивидуального предпринимателя, в т. ч. в силу объективных ограничений, и невозможность реализации прав по договору может негативно отразиться на его положении: договор прекратится, и лицо не сможет получать те имущественные выгоды от его исполнения, которые принадлежали прежнему правообладателю. Возможности для компенсации ненаследуемых прав и обязанностей в этом случае не предусмотрено (в отличие, например, от наследования доли участия в товариществе или объекта, ограниченного в обороте). Представляется, что альтернативой условию о приобретении статуса предпринимателя могло бы стать решение о необходимости передачи прав по договору в доверительное управление.

– переход прав и обязанностей по договору к иным лицам. Это могут быть члены семьи нанимателя или граждане, постоянно проживающие с нанимателем (п. 2 ст. 672, п. 2 ст. 686 ГК РФ), хотя не исключено, что их круг может полностью или частично совпадать с кругом наследников. Закрепление подобного правила объясняется необходимостью защиты интересов тех лиц, которые при жизни проживали с наследодателем одной семьей и после его смерти заинтересованы в дальнейшем использовании жилого помещения. Еще один случай ненаследственного перехода установлен в отношениях пожизненной ренты. При множественности получателей ренты в случае смерти одного из них право на получение рентных платежей переходит к оставшимся получателям ренты (п. 2 ст. 596 ГК РФ). При отсутствии лиц, к которым могли перейти права и обязанности по указанным договорам, обязательство прекращается.

– переход прав и обязанностей по договору к иным лицам, а при их отсутствии – к наследникам. Такая ситуация характерна для договора личного страхования. В случае смерти лица, застрахованного по договору, в котором не назван иной выгодоприобретатель, выгодоприобретателями признаются

наследники застрахованного лица. Вопрос о том, в каком порядке наследники смогли бы осуществить свои права по договору в этом случае: наследственном или договорном уже поднимался в науке, и в Концепции развития законодательства о страховании предложен вариант учета договорного начала (п. 22 Концепции [10]), хотя с целью защиты интересов кредиторов наследодателя следует отдать предпочтение наследственному порядку.

Завершая анализ возможных случаев перехода договорных прав и обязанностей после смерти его участника, видно, что, как правило, права и обязанности по договору становятся наследуемыми, а значит, входят в наследственную массу. Значение для наследников приобретает не только вид договора и его законодательная регламентация, позволяющая сторонам в ряде случаев проявить собственное усмотрение, но и решение вопроса о личном характере обязательства. Применительно к отдельным договорам с учетом их существа, законом допустима передача прав и обязанностей не наследникам, а иным лицам в порядке сингулярного правопреемства.

Таким образом, смерть участника договорного обязательства влечет разнообразные правовые последствия, применение которых актуализирует задачу определения пределов договорной свободы, соотношения ст. 418 и 1112 ГК РФ и делает необходимым унифицировать судебную практику по типичным спорным ситуациям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апелляционное определение Верховного суда Республики Алтай от 10.10.2018 по делу № 33-863/2018. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.01.2022)
2. Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 19.11.2013 по делу № 33-6051/2013. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.01.2022)
3. Валеев Д.Х. Комментарий к Федеральному закону «Об исполнительном производстве» (с постатейными материалами). М.: Статут, 2011. 950 с. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.02.2022)
4. Воронина Е.И. Гражданско-правовые обязательства, связанные с личностью их сторон: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 25 с.
5. Договорное и обязательственное право (общая часть) постатейный комментарий к статьям 307 - 453 Гражданского кодекса Российской Федерации / В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко, О.А. Беляева и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2017. Электронное издание. Редакция 1.0. 1120 с.
6. Карапетов А.Г., Савельев А.И. Свобода договора и ее пределы: в 2 т. М.: Статут, 2012. Т. 2: Пределы свободы определения условий договора в зарубежном и российском праве. 453 с. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.01.2022)
7. Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 24.03.2022 по делу № 88-9054/2022, 2-794/20211. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.01.2022)
8. Комиссарова Е.Г. Комментарий к Федеральному закону от 30 декабря 2006 г. № 275-ФЗ «О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций» (постатейный) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.04.2020).
9. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй (постатейный) / под ред. С.П. Гришаева, А.М. Эрделевского // СПС КонсультантПлюс. 2007.
10. Концепция развития положений части второй Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре страхования (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 25.09.2020 № 202/оп-1/2020) // СПС «Консультант плюс».
11. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2021) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 07.04.2021) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 7.
12. Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» // Вестник ВАС РФ. 2014. № 5.
13. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 06.12.2021 № 18АП-15568/2021 по делу № А76-14896/2021. Кассационная жалоба по делу была оставлена без удовлетворения – Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 04.03.2022 № Ф09-241/22 по делу № А76-14896/2021. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.01.2022).
14. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 01.06.2009 № А33-6141/2002-03АП-3240/2008 по делу № А33-6141/2002. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.01.2022)
15. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 17.03.2020 по делу № А33-22099/2017 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.01.2022)

16. Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 11.03.2022 № 04АП-635/2022 по делу № А78-88/2021[Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.01.2022)
17. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй: в 3 т. / под ред. П.В. Крашенинникова. М., 2011. Т. 3. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.04.2020)
18. Черепанова О.С. Проблема определения личного характера обязательств наследодателя в контексте включения их в наследственную массу // Нотариус. 2021. № 2. С. 29–32.

Поступила в редакцию 14.12.2023

Ходырева Екатерина Александровна, доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры гражданского права
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 4)
E-mail: grpravo314@mail.ru
SPIN-код: 7912-3874
AuthorID: 552381
ResearcherID: A-9297-2020
ORCID: 0000-0001-6767-2387

E.A. Khodyreva

TERMINATION AND MODIFICATION OF A CONTRACTUAL OBLIGATION BY THE DEATH OF A PERSON: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

DOI: 10.35634/2412-9593-2024-34-1-157-163

The procedure and conditions for the fulfillment of contractual obligations are regulated in sufficient detail by civil law and studied in detail by the science of civil law. Meanwhile, it should be pointed out that there is insufficient scientific research on the impact of the death of an individual (citizen) on the fate of a contractual obligation. Since contracts constitute the main and important part of civil law relations, so the withdrawal from the obligation of one of the parties to the contract for any reason, including death, should not negatively affect the rights and interests of other persons. To this end, legislative prescriptions regarding the termination or modification of a contractual obligation in the event of the death of its participant should be clear, definite and precise. The author proposes to pay attention to the problem of determining the personal nature of contractual obligations and attempts to systematize options for the posthumous transfer of contractual rights and obligations. During the research, general scientific and private scientific methods were used, in particular, legal-dogmatic, descriptions, comparisons, interpretations, formal and dialectical logic, and systematic. According to the results of the study, it is shown that when applying the norms of the Civil Code of the Russian Federation, which determine the legal consequences of the death of a participant in a contractual obligation, some difficulties and conflicts arise. Thus, the issue of determining the personal nature of the obligation is not clear, difficulties arise in law enforcement practice regarding the qualification of the obligations of an individual entrepreneur and the possibility of their termination by death. The issue of the limits of contractual freedom and the possibility of establishing a successor in a specific obligation in the event of death at the discretion of its subjects requires a decision. The conclusions made by the author can become the basis for further scientific understanding.

Keywords: contract, heir, obligation, law, death, termination, change, transition.

Received 14.12.2023

Khodyreva E.A., Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/4, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: grpravo314@mail.ru
SPIN: 7912-3874
AuthorID: 552381
ResearcherID: A-9297-2020
ORCID: 0000-0001-6767-2387